

Две стороны крепостного права и двойственность процесса раскрепощения

Неоднозначна с точки зрения обеспечения жизнеспособности российского государства и наиболее известная реформа Александра II, традиционно определяемая как отмена крепостного права. Она имела две противоположные смысловые составляющие. Противоречия, проявившиеся в ней, проистекали из двойственности самого феномена крепостного права. На эту двойственность указывал, в частности, в своем лекционном «Курсе русской истории» Василий Осипович Ключевский: «Крепостной крестьянин был крепок лицу землевладельца, но при этом он был еще прикреплен и к своему состоянию, из которого не мог вывести его даже землевладелец: он был веч-

⁵ Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 190–192.

но обязанный государственный тяглец»⁶. Прикрепленность к землевладельцу-помещику не исчерпывала сути крепостного состояния крестьянина. Более значимым в крепостном состоянии являлось прикрепление крестьянина к своему крестьянскому тяглу в отношении государства. В этом отношении русский крепостной крестьянин не был точной аналогией европейского феодального крестьянина периода средневековья⁷. Соответственно, и раскрепощение содержало два различных аспекта — освобождение крестьянина от власти помещика и освобождение от тяглового состояния. Историография крестьянской реформы традиционно акцентируется на первой составляющей. Отсюда и оценка этой реформы с эпитетом «великая»⁸.

Действительно, помещичье землевладение являлось анахронизмом, препятствующим развитию России. После предоставления дворянству права не служить при Петре III и Екатерине II возник феномен «праздного класса». Снятие с дворян обязанности несения службы, при сохранении крестьянства в крепостном состоянии, продуцировало социальный конфликт в российском обществе. Дворянство лишалось своей функциональной роли в сословном распределении тягловых обязанностей⁹.

⁶ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. С. 635.

⁷ Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2003.

⁸ Великие реформы в России (1856–1874). М.: Издательство Московского университета, 1992; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1966; Захарова Л. Г. Александр II // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 58–79; Захарова Л. Г. Великие реформы: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–168; Захарова Л. Г. Россия на переломе (Самодержавие и реформы 1861–1874 гг.) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М.: Политиздат, 1991. С. 293–325; Ляшенко Л. М. Александр II, или История трёх одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2002; Ляшенко Л. М. Царь-Освободитель. Жизнь и деяния Александра II. М.: Владос, 1994; Николаев В. Александр II. М.: Захаров, 2005; Российские реформаторы, XIX — начало XX в. / Под ред. А. П. Корелина. М.: Международные отношения, 1995; Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М.: Русское слово, 2002; Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1978; Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. XIX века. М.: Прометей, 1992; Эйдельман Н. Я. Революция «сверху» в России. М.: Книга, 1989; Яковлев А. И. Александр II и его эпоха. М.: Знание, 1992.

⁹ Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999.

Все последующие попытки Павла I и Николая I вернуть дворян к службе оказались тщетны. Содержание «праздного класса» крайне дорого обходилось России. Кроме того, существовал еще и нравственный вопрос в сохранении личной крепостной зависимости крестьян — нарушение принципа христианского равенства. Отмена личной зависимости крестьян от помещиков была действительно исторически необходима.

Однако целесообразность снятия с крестьян тяглого состояния, сам отказ от модели государственного тягла не очевидна. Реформы Александра II не упраздняли ее единовременным манифестом, но задавали вектор детягловизации. Фактически тягловые функции переходили к общине. Реформы П. А. Столыпина были исторически преемственны реформам Александра II.

Через детягловизацию в России открывалась дверь для развития капитализма. Но насколько капиталистическая модель является цивилизационно универсальной? Применительно к методологии формационного подхода переход от феодализма к капитализму рассматривался, безусловно, как шаг исторического прогресса. Соответственно и реформам Александра II давалась характеристика в качестве прогрессивных свершений. Положительно оценивались они, естественно, и в рамках либеральной объяснительной модели. Критика в обоих случаях состояла не в том, что были затеяны реформы, а в их умеренности. Совсем иначе эти реформы могут быть восприняты с позиций цивилизационного подхода. Попытка перенесения на российскую почву иноцивилизационного опыта капиталистических отношений оказываются в этом случае угрозой для Российской цивилизации. И капиталистическая модель в России, действительно, потерпела крах. Большевики восстановили в модифицированном виде под новой идеологической вывеской модель тяглого государства. Создаваемая впоследствии колхозная система во многом репродуцировала традиционную для России форму социального устройства села. Один из основоположников теории культурно-исторических типов О. Шпенглер определял такого рода трансформации, восстанавливающие культурно-идентичный тип системы, понятием псевдоморфизм¹⁰.

В нравственном плане идея всеобщности государственного тягла диссонировала с личностной зависимостью крестьян

¹⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. С. 119.

от помещиков. Одна составляющая крепостного права ценностно противоречила его второй составляющей. Всеобщность тягла с распределением по функциям общественных групп — в сущности, эгалитарный концепт. Личностная зависимость крестьян от помещиков, прикрепленность к лицу — выражение элитарной системы. Реформированы были обе стороны крепостного права, что было не обязательно, и зависело от идеологического выбора властной команды.